

ПРИБЫТИЕ ПЕРВЫХ ДЖУЧИДОВ В МОСКОВСКОЕ ВЕЛИКОЕ
КНЯЖЕСТВО: НАЧАЛО ТРАНСФОРМАЦИИ ИМПЕРИИ¹

А переменит Бог Орду...
(ДДГ. С. 36)

Золотая Орда, несмотря на свое недолгое существование, являлась полноценной империей Средних веков. Будучи единым государством в течение около 200 лет, она имела достаточно сложную структуру. «Скелетом», центральной составляющей этой структуры была династия потомков Чингисхана. В западной части бывшей империи монголов это были потомки его старшего сына Джучи — Джучиды. Только они имели право занимать сарайский трон — трон столицы ханства. При этом Чингисиды этой линии сидели не только в столице. Они занимали и провинциальные центры государства, являясь, будучи родственниками хана, кем-то вроде его наместников². Джучиды были чем-то вроде легитимного статуса-института, позволявшего держать под контролем огромные территории.

С началом XV в. отчетливо проявился финальный коллапс единого джучидского правления в Центральной Евразии, процесс, который имел глубокие последствия для всех государственных образований данного региона, включая Московское Великое княжество. Начало данного процесса можно отнести к концу 50-х годов XIV в., когда политическая элита Степи³ была вовлечена в серию разрушительных столкновений в борьбе за джучидский трон и власть начала постепенно утекать из Сарая в руки клановых лидеров, базирующихся в многочисленных провинциях распадающейся империи. Несмотря на неоднократные попытки воссоздания единой власти, джучидские ханы Сарая потерпели фиаско в восстановлении своего сюзеренитета. К 50-м годам XV в. Сарая как единого центра империи более не существовало⁴.

Коллапс Сарая не означал конца джучидского правления в целом. Как корабли во время шторма, многочисленные Джучиды Сарая⁵ покидали беспокойные воды бывшей столицы и потихоньку переносили власть на периферию распадающейся державы, теперь уже в новом для бывших имперских структур статусе. Если ранее Джучиды назначались из Центра в провинции как наместники, то теперь они бежали из Центра в провинции как потерпевшие поражение в сарайских политических играх. Оказавшись в провинциальных районах, некоторые из Джучидов преуспели в восстановлении своих полномочий как правителей, хотя и на региональном уровне⁶,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Gerda Henkel Stiftung (грант AZ 09/SR/10). Я также благодарю Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве за возможность изучить французскую историографию проблемы в мае 2011 г. в Париже. Автор не претендует на внедрение новых тенденций в историческую науку, и поэтому данный текст выполнен в русле «старой политической истории». Все изложенное в статье является субъективным взглядом автора на проблему. Я благодарю Д. М. Исхакова, И. Л. Измайлова и Д. А. Мустафину за критические замечания и дружеские пожелания, высказанные после прочтения первого и второго вариантов работы.

² К примеру, они сидели в Болгарах — весьма важном региональном форпосте империи (см.: *Исхаков Д. М.* Булгарский вилайет накануне образования Казанского ханства // *Эхо веков.* Гасырлар авазы. 2009. № 2. С. 123–138).

³ Под Степью понимается территория Дешт-и-Кипчака — территория бывшей половецкой степи, завоеванной монголами в XIII в. В тексте данной статьи употребляется для обозначения территории поздней Золотой Орды в XV–XVI в.

⁴ Подробности распада и традиционный историографический взгляд на проблему можно проследить в следующих монографиях: *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975; *Его же.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960; *Spieler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland, 1223–1502. Wiesbaden, 1965.

⁵ Здесь под Джучидами Сарая, в отличие от Джучидов, сидевших в провинциях, я имею в виду именно тех представителей династии, которые либо фактически владели сарайским тронном, либо были близки к этому. В целом это Джучиды, близкие ко двору сарайского хана.

⁶ При этом, по всей видимости, мыслили они себя как правители все же единой империи, которые просто временно потеряли некоторые зоны своего прежнего влияния. По крайней мере, в русских летописях не обозначается, ханом («Царем») какой части бывшей империи является тот или иной Джучид, они обозначаются просто как «Царь» (никак не «Царь казанский» или «Царь астраханский» — и Кичи-Мухаммад, и Улуг-Мухаммад, и Сейид-Ахмад, кочевавшие одновременно в середине XV в., просто «Цари», без указания географической привязки к территории).

и образовали так называемые «наследники Золотой Орды», наследные ханства (и орды)⁷. К середине XV в. джучидские династии провозгласили себя ханами в Крыму, Понтийской и Казахской степях, в Астрахани, Казани и Тюмени. К началу XVI в. Джучиды продвинулись далее, образовав Хивинское (Ургенч) и Бухарское ханства⁸.

В историографии поздней Золотой Орды сложилось два основных направления, которые концептуально стоят на противоположных позициях по отношению друг к другу. Первое представлено русскими и советскими историками и рисует русско-татарские отношения как антагонистические, когда татары постоянно пытались «поработить» представителей Северо-Востока Руси, а москвитяне (и другие жители Руси) отважно им противостояли, зачастую насмерть⁹. Вероятно, авторы пытались провести мысль о мессианской роли русского народа по спасению Европы от «варваров», о его незавидной доле в XV–XVI в., о причинах постоянного отставания России от Европы. Причиной неудач при таком подходе можно объявить татар и Орду.

Другой подход был предложен евразийцами, в частности Г. В. Вернадским, и был творчески развит гарвардской школой русских исследований с Э. Л. Кинаном во главе и представляет эти отношения как, напротив, весьма дружественные. В данной концепции все вопросы между представителями двух народов решались полюбовно, никаких серьезных трений не возникало¹⁰. Возможно, здесь авторы пытались провести мысль о причинах деспотического характера российской (и тем более советской) власти. Определить, к какому лагерю относятся национальные татарские историки, весьма затруднительно, так как зачастую они примыкают и к тому, и к другому (с необходимыми корректурами) в зависимости от конъюнктуры ситуации.

Сдержанный взгляд на проблему стал встречаться после распада СССР в России (а иногда был представлен и ранее)¹¹.

С течением времени в Улусе Джучи система престолонаследия стала меняться: лестничная система постепенно заменяется прямой системой наследования от отца к сыну¹². При этом боковые линии Джучидов оказались отрезанными от прав на трон. Когда Центр империи ослаб, появилось много «лишних» Джучидов, не желающих превращаться в уланов¹³. Поэтому возникновение

⁷ Однако степень их автономии друг от друга условна и спорна — некоторые факты говорят нам о весьма глубоких связях между этими политиями в течение всего XV в., а также и первой половины XVI в., которые ставят их *независимость* друг от друга под большой вопрос. Неспроста в так называемой «западной» историографии эти политии называются «позднезолотоордынские государства», но не «постордынские». В СССР же и РФ исследователи данной проблематики находятся под сильным влиянием концепции М. Г. Сафаргалиева о «распаде Золотой Орды» на самостоятельные государства. Тем не менее, думается, однозначно говорить о «полном распаде Золотой Орды» на *отдельные государства* в середине XV в. некорректно. Полного распада империи не произошло, происходила ее реинкарнация в другую империю.

⁸ В дополнение к М. Г. Сафаргалиеву, по данному вопросу (особенно при рассмотрении событий на Востоке) см. также: Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

⁹ См. (привожу только самые характерные работы): Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Соч.: В 18 кн. М., 1988–1991. Кн. 2–7 (Т. 3–14); Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952; Каргалов В. В. Конец ордынского ига. М., 1980; Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983; Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. Работа Базилевича выделяется из общей массы относительной непредвзятостью, широким и глубоким охватом источниковой базы, что, как правило, приводит к «выходу» из наезженной идеологической колеи. Но в целом концептуально ее можно, правда, с натяжками отнести к первой группе.

¹⁰ См.: Keenan E. Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic Review. 1967. Vol. 26. № 4. P. 548–558; *Idem*. Muscovy and Kazan, 1445–1552: a study in steppe politics. Ph. D. dissertation. Harvard, 1965; Kennedy C. Fathers, Sons, and Brothers: Ties of Metaphorical Kinship between the Muscovite Grand Princes and the Tatar Elite // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. 19. P. 292–301; *Idem*. The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between émigré Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries. Ph. D. dissertation. Harvard, 1994; и некоторые другие работы.

¹¹ См.: Насонов А. Н. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940; Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998; Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001; Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2004. Возможно, сказалось временное отсутствие идеологии, которую власть попросту не может разработать, занятая другими, безусловно, более важными проблемами. Работу Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000, я также отношу к этой группе.

¹² Примерно со времени правления хана Узбека (1312–1342 г.).

¹³ Более того, четырехклановая система карача-беков (иногда количество кланов было более четырех), распространенная в Улусе Джучи, предполагает возможность смены родовых элит. При этом определенные Джучиды были связаны с конкретными кланами. Соответственно, какие-то Джучиды в случаях «перетасовки» кланов «выдавливались» из властной структуры Улуса, вызывая «брожение» и вынуждая их на поиски новых мест для сохранения своего статуса. Примером такого «выдавливания» может служить приход хана Тохтамыш к власти.

джучидских ханств на периферии распадающейся империи было не единственным следствием штормов в Сарае. На каждого Джучида, преуспевшего в относительном восстановлении своей верховной власти в провинциях империи, приходилось много других, кого бури выкинули за борт мейнстрима политической жизни Степи. Они стали изгнанниками, вынужденными искать соглашения с местными правителями бывших регионов империи. Среди таких правителей были и московские великие князья Северо-Востока Руси, которые после двухвекового подчинения Сараю обнаружили себя в совершенно новой ситуации: они были вынуждены как-то реагировать на потоки хорошо вооруженных татарских беглецов из центральных районов Степи. Стратегия, которую в итоге начали использовать в данной новой для них ситуации московские правители, глубоко затронет последующие отношения со всеми татарскими политиями Степи¹⁴.

Усиление вовлеченности московитов в степную политику не исключает того факта, что между Москвой и Ордой в изучаемый период были существенные трения. Большинство серьезных исследователей отмечает, что именно XV в. является поворотным в данных отношениях. Правда, многие говорят об этом времени как о жестком, однозначном водоразделе в этих отношениях, как о поворотной точке, которая в историографии получила наименование «освобождение от ордынского ига»¹⁵. Но попытки точно определить такую поворотную точку, этот водораздел, после которого Русь уже однозначно освободилась от ига, терпят в науке фиаско¹⁶. Данный факт лишний раз свидетельствует об ущербности концепции в целом.

Чтобы понять природу этих отношений в XV–XVI в., необходимо осознать, что данные отношения были достаточно стабильными и преемственными по содержанию. Эта преемственность и стабильность во многом объясняется тем, что отношения Москвы со степной элитой не были однозначно враждебными в этот период¹⁷; напротив, они только усиливались и в какой-то степени углублялись по мере того, как значительное число Джучидов перебиралось на русские земли и московские правители все больше внимания уделяли отношениям с различными татарскими политиями, расположенными в Степи.

Тем не менее изменения были. Они выражались не в самой структуре отношений, а в относительном статусе, который каждая из сторон — московский правитель и элита Степи — имели в данной структуре¹⁸. Этот статус определялся как силой традиции, так и военной и экономической мощью, причем именно военная и экономическая мощь в данном тандеме оказались определяющими, и сила традиции уступила им место¹⁹.

Произведенный Тамерланом разгром Золотой Орды в 1391 и 1395–1396 г. и усиление междоусобицы увеличили отток татар из Степи в соседние страны. Ибн Арабшах писал, что значительная группа татар ушла к румийцам и русским: «Дела племен Дештских стали ухудшаться да расстраиваться и, вследствие малочисленности убежищ и крепостей, подвергались разьединению и розни... Большая толпа их ушла с Тимуром, которому она стала подвластной и у которого находилась в плену. От них отделилась часть, которая не поддается ни счёту, ни исчислению (выделено мной. — Б. Р.) и не может быть определена ни диваном, ни дефтером;

¹⁴ Kennedy C. The Juchids of Muscovy. L. 18.

¹⁵ Даже названия работ говорят сами за себя: Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. См. также работы В. Д. Назарова и др.

¹⁶ По поводу разногласий в периодизации см.: Croskey R. The Diplomatic Forms of Ivan III's Relationship with the Crimean Khan // Slavic Review. 1984. Vol. 43. № 2. P. 257–269; Inalcik H. Power relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman empire as reflected in titulature // Passé turco-tatar, présent soviétique: études offertes à Alexandre Bennigsen. Louvain; Paris, 1986. P. 175–214.

¹⁷ А были они «вынужденно-дружественными», как качественный брак по расчету.

¹⁸ Kennedy C. The Juchids of Muscovy. L. 25.

¹⁹ Особенно ярко это демонстрирует тот факт, что в конце концов (во второй половине XVI в.) ногаи стали льстиво обращаться к московскому царю Ивану IV Грозному как к действительному Чингисиду: «великаго Цингиз царев прямой род счастливой государь еси... Похошь пожаловати, пожалуешь. А не похошь пожаловати, не пожалуешь» (Продолжение Древней Российской Вивлиофики. СПб., 1795. Ч. 10. С. 31), что означало признание абсолютной легитимности его управления бывшей территорией Золотой Орды.

она ушла к румийцам и русским (выделено мной. — Б. Р.) и, по своей злополучной участи и превратной судьбе своей, очутилась между христианами, многобожниками и мусульманскими пленниками... По этим причинам живущие в довольстве обитатели Дешта дошли до оскудения и разорения, до разорения и безлюдства, до нищеты и совершенного извращения»²⁰. Турецкий хронист Ибрагим Печеви (1574 — ок. 1649 г.) писал об этом: «Когда пришел всемогущий Тимур, то часть татар отправил в неволю, других отдал под меч. Некоторые же племена бежали в страны неверных поляков и москвитов и там осели»²¹.

Выезды татар, в том числе и Чингисидов, на Русь, в частности в Московское княжество, случались и ранее XV в. Они упоминаются в течение всего времени существования Золотой Орды, т. е. с XIII в. И до этого на Русь прибывали тюркские элементы²². Однако до описываемых мною событий начала XV в. все татары крестились или были крещены по приезду в Московию. С начала XV в. мы имеем дело с другой ситуацией. Уже не отдельные личности, но целые немалочисленные военные отряды, возглавляемые Джучидами, выходят на Русь «кусками» Орды, требуя средств к существованию от великого князя. Они уже не меняют свою веру, оставаясь мусульманами²³. Эти Джучиды начиная примерно с середины XV в. получают на Руси легитимный в рамках правовых норм того географического пространства и той эпохи статус «Джучидов-мусульман Московского княжества», «Джучидов Московии». Они становятся структурным элементом Московского государства, иноконфессиональным включением в православную структуру общества.

Первыми Джучидами, прибывшими в Московское княжество в поисках политического убежища²⁴, были сыновья покойного хана Тохтамышша, который с 1380 г. до своей смерти в 1405 г. был политически активен во всем Дешт-и-Кипчаке. Как известно, постоянным противником Тохтамышша был всесильный беклярибек Идигей, который физически пережил Тохтамышша, сделав своими главными врагами сыновей хана. Когда «утвердилось дело Дештское за правителем Идику» и Идигей в конце концов преуспел в интронизации своего марионеточного Джучида на сарайском троне в том же 1407 г., Тохтамышевичи решили спастись бегством из Степи. Согласно ибн Араб-шаху, Джелал-ад-Дин и Керим-Берди прибыли на земли Руси, скорее всего, с территории Булгарского вилайета Золотой Орды: «Сыновья Тохтамышша разбрелись в стороны: Джалал-ад-дин и Керимберди в Россию, а Кубьяк и остальные братья — в Сыгнак»²⁵.

Нам трудно понять, что подразумевал автор арабского текста под «Россией» (земли Руси). Это могли быть как земли Северо-Восточной Руси (в том числе и Московское великое

²⁰ Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. Т. 1. С. 212–213; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Собр. В. Г. Тизенгаузеном и обраб. А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. СПб., 1884. Т. 1. С. 470; Сафаралиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 172.

²¹ Цит. по: Гришин Я. Я. Польско-литовские татары: взгляд через века. Исторические очерки. Казань, 2000. С. 6–7.

²² Подробнее см.: Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола, 2008. С. 141–149.

²³ За редкими исключениями, иногда насильственного характера, относящимися к XVI в.

²⁴ Некоторые повествовательные источники московского происхождения содержат факты пребывания Джучидов в Северо-Восточной Руси в XIII в. Эти источники имеют сильный литературный уклон, их скорее можно охарактеризовать как литературные сюжеты, нежели как документальные источники. Поэтому я не рискну рассматривать их в своей работе. Среди наиболее ранних и занимательных — летописная повесть о князе Борисе Ростовском, жившем в середине XIII в., и его предполагаемой дружбе с каким-то ордынским султаном. Дружба эта, согласно данному тексту, привела к обращению султана в православие, после чего он стал известен как Петр и основал монастырь. Из повести становится известно, что Петр не был единственным татаринном среди русских, в Ростове жили и другие знатные татары: «Князь же поим ему от великих вельмож невесту, беша бо тогда в Ростове ордынстии вельможии» (цит. по: Насонов А. Н. Монголы и Русь // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2006. С. 266; см. также: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 256–259). Чарльз Гальперин посвятил целую главу данному событию в монографии: Halperin Ch. The Tatar Yoke. Columbus (Ohio), 1986. Это исследование также касается некоторых литературных домьслов, вызванных к жизни ранней историей русско-татарских отношений. Впрочем, эта история, как, возможно, и другие, может иметь под собой реальную основу: как показал А. Н. Насонов (Насонов А. Н. Монголы и Русь. С. 62–68), ростовские князья в данный период имели особенно близкие отношения с ордынцами.

²⁵ Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. Т. 1. С. 213; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. С. 471–472; Сафаралиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 183–185; Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. С. 265.

княжество), так и территория Великого княжества Литовского (как полагает В. В. Трепавлов). Мы рассмотрим первую версию.

Будучи не из тех, кто дожидается, пока противники придут по его душу (Идигей неоднократно преследовал Тохтамышша в Степи), Идигей двинулся на Русь в 1408 г. Расположившись лагерем около Москвы, он выслал Василию I письмо²⁶, в котором объяснил причины своего прихода на Русь: «слышание нам учинилося таково, что Тахтамышшевы дети у тебя, и того ради пришли есмя ратию».

Русские источники не сохранили никаких следов пребывания султанов в Москве или других княжествах. Однако неупоминание в русских источниках еще не является поводом для недоверия арабским. Не исключено, что пребывание Тохтамышевичей на Руси держалось в строжайшем секрете (Москва отдавала себе отчет, что при данном фактическом правителе Орды это для нее большой минус). Так или иначе, сведения о поддержке Москвой оппозиции Идигею могли послужить одной из причин похода.

В мотивации Василия по предоставлению приюта сыновьям хана инициатива, скорее всего, исходила не от него, а от самих Тохтамышевичей, которые не особо-то спрашивали разрешения на въезд на подвластные территории, как легитимные наследники трона²⁷. При таком раскладе роль Василия была незавидной, он оказывался как бы между молотом и наковальней: с одной стороны, сыновья хана, за которыми сила традиции и легитимация исходя из правовых норм той эпохи (и вероятность прихода к власти в ближайшем будущем), с другой — властный фактический правитель Орды (порождение новой позднезолотоордынской эпохи), который не станет церемониться с ослушником в случае перевеса силы в его сторону. Однако, как это часто бывало во время ордынских походов (и не только на Русь), возникли проблемы в самой Орде, вынудившие Идигея повернуть назад в Сарай, так как общеимперские проблемы правителя волновали намного больше, чем проблемы с одной из провинций, выход из которой к тому же не составлял существенного процента в самой имперской казне. Идигей повернул назад, не успев взять у ослушника обязательство выплатить выход за предыдущие годы. Империя явно слабела, чем и пользовались местные правители.

В данной ситуации имелся интересный нюанс, зачастую игнорируемый историками либо рассматриваемый в отрыве от контекста той эпохи. Подойдя к Москве 1 декабря, Идигей распустил войска по великокняжеским владениям с целью грабежа. Были взяты Коломна, Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец. Два последних города были разорены вторгшимся отдельно от основных сил ордынским отрядом, возглавляемым неким султаном (т. е. Джучидом)²⁸. Идигей не спешил при этом атаковать хорошо укрепленный Кремль. Некоторые исследователи объясняют причины такого поведения татар (грабеж) их «врожденной» алчностью и дикостью, когда они только и думали, как бы пограбить русские

²⁶ Релевантную репрезентацию текста письма см. в книге: Горский А. А. Москва и Орда. С. 196–197. При условии аутентичности текста письма и его реконструкции, это один из наиболее ранних примеров интерполяций дипломатических документов в летописные тексты, практики, ставшей столь распространенной в последующие десятилетия. Естественно, работать с такими «документами» надо с большой осторожностью, так как они могли быть сильно искажены в процессе интерполяции либо вообще являться продуктом позднейшей фальсификации, см.: Keenan E. Muscovy and Kazan, 1445–1552: a study in steppe politics. Гл. 1; *Idem*. The Early of Ahmed-xan to Ivan III: A New Reading // International Journal of Slavic linguistics and Poetics. 1969. № 12. P. 33–47. Что касается письма Идигея, то оно содержит многочисленные примеры употребления выражений, характерных для дипломатической корреспонденции Степи. Это позволяет нам говорить об аутентичности письма и возможности осторожного использования его как исторического источника. При этом необходимо помнить о том, что документ подвергся существенным редакторским правкам летописцев.

²⁷ Это косвенно может подтвердить тот факт, что в Никоновской летописи Джелал-ад-Дин назван «окаянным недругом» русских (ПСРА. М., 1965. Т. 11. С. 219). Впрочем, данный оценочный эпитаф позднейшего летописца может не отражать реалии начала XV в. — для автора Никоновской летописи, составленной во время, когда идеология Русского государства стала определяться как антитатарская, уже все татары стали «окаянными», «безбожными» и однозначно являлись врагами русских.

²⁸ ПСРА. М., 2000. Т. 15. Стб. 484; Горский А. А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV веков // Средневековая Русь. 2004. № 4. С. 153.

земли. Это не так. Предпринятый Идигеем «грабеж» в рамках правовых норм XV в. таковым не воспринимался. Почему? Ситуация объясняется крайне просто, если вникать в суть ордынско-русских отношений того времени с точки зрения Орды. Василий I задолжал Орде выход за 13 лет — 91000 рублей²⁹. Судя по тому, что беклярибек не особо рвался атаковать Кремль и заранее распустил войска по территории «русского улуса» с целью поживиться, видимо, фактический правитель Орды не очень надеялся на сговорчивость московского князя. Он понимал, что, возможно, договориться вновь не удастся и Василий не «даст ему выхода». В то же время этот выход ему был нужен. Он решил «собрать» его без помощи Василия, сам, для этого и распустил войска для «грабежа». Таким образом, с татарской точки зрения, это был не грабеж, а сбор недостающего выхода силой³⁰.

Вероятно, сыновья Тохтамыша оставались в Московии около трех лет. В 814 г. хиджры (1411/1412 год от Р. Х.), «когда сгущались мраки междоусобиц и перепутывались звезды между обеими партиями в сумраках Дештских, вдруг, в полном величии власти Джелалиевой, появился (один) из блестящих потомков Токтамышевых»³¹ и выдвинул очередную претензию на трон «из стран Русских»³². Источники хранят молчание, где были «расквартированы» Джучиды в течение этих трех лет, выделялся ли им какой-либо юрт³³ (юрты), или они находились при дворе великого князя (при этом не стоит забывать, что они были не одни, а с многочисленными семьями (в исламе принято многоженство, и как жен, так и сыновей и дочерей у султанов было предостаточно) и военными (в том числе и высшего звена, беками и уланами, которые сами были со своим окружением)). Здесь трудно что-либо предположить, особенно учитывая тот факт, что в это время аристократия Степи еще не забыла кочевые традиции (как позже выходцы из оседлой Казани, например) и им попросту необходимо было пространство для вылазок на степные просторы. В то же время в более поздние периоды Москва опасалась селить выходцев из Степи близко к самой Степи, ожидая, видимо, измены и перехода их на сторону единоверцев в случае маршей последних на Русь.

Я полагаю, в этот период (1400—1445 г.³⁴) юрты им не выделялись, так как, скорее всего, сами они воспринимали свое пребывание в Московии как кратковременное, мечтая поскорее вернуться в сарайские просторы, и потому они, вероятно, просто перемещались по московской территории со своими людьми, кочуя от пункта к пункту, возможно, доставляя немало проблем местному населению своими привычками (грабежа, например, так как даже в XVII в. жалобы подобного рода на Чингисидов поступали постоянно, например, на будущего касимовского хана Араслана-Али, не говоря уже про XVI в., когда пребывание на московской территории бывшего казанского хана Мухаммад-Амина отмечается летописцами как весьма проблемное для крестьян — видимо, Джучиды относились к населению «русского улуса» как к людям второго сорта, как к досадному недоразумению на их блистательном пути потомков Чингисхана).

В течение 1412 г. Тохтамышевичи преуспели в отеснении Идигея от властных позиций в Сарае — зимой 1412 г. Джелал-ад-Дин «сяде» в Сарае. Их бывший покровитель Василий I был

²⁹ Горский А. А. Москва и Орда. С. 134.

³⁰ Так же и в наше время изымают имущество у фирм-банкротов и частных должников выселяют из квартир. Эту точку зрения может усилить и факт командования некоего султана дополнительным отрядом — Джучиды (высшая категория золотоордынской знати) не привлекались для простейших акций типа набегов и грабежа, для этого использовались мурзы. Присутствие в карательной военной операции Чингисидов, как правило, придавало акции статус похода, а не набега.

³¹ Это был Джелал-ад-Дин.

³² Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. Т. 1. С. 214; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. С. 473; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 187.

³³ Юрт (тюрк. «йорт») — территория кочевков улуса (народа, племени). В древнетюркском языке «юрт» означал: дом, владение, местожительство, страна, земля. В XIII—XIV в. преобладает значение «территория расселения, кочевков». В изучаемый период (XV—XVI в.) термины «улус» и «юрт» все чаще стали употребляться в значении государства, державы, но также употреблялись в значении «внутреннее княжество в составе государства».

³⁴ Последняя дата — дата образования Касимовского ханства согласно версии автора. См.: Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445—1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. С. 47—65.

вынужден в августе 1412 г. совершить поездку в Сарай к «Зелени-Салтану», как к законному наследнику трона Чингисхана³⁵. Однако по приезде он застал на престоле уже другого сына Тохтамышша, Керим-Берди, убившего брата³⁶. Тем не менее временно стабильность общеимперских дел была восстановлена. Это было первым путешествием в Сарай для Василия за многие годы неподчинения Орде³⁷. Василий был, несомненно, хорошо лично знаком с сыновьями Тохтамышша, так как в юности, как и другие русские князья — наследники трона, около трех лет проживал в Орде³⁸.

К 1425 г. и Идигей, и Василий были мертвы, и короткий период влияния Тохтамышевичей в Сарае миновал. Наступали новые времена, новая эпоха в политической истории Степи, эпоха поздней Золотой Орды. Соответственно, на сцену выходили новые политические фигуры. Одной из них был Улуг-Мухаммад, личность, которая в дальнейшем установит новый вид «долгосрочных» отношений с великим князем московским, Василием II. Эти отношения приведут к первому длительному поселению Джучидов в Московии и переменам в статусе джучидской аристократии Степи и Даниловичей-Рюриковичей относительно друг друга.

Когда Василий I скончался в 1425 г., на территории великого княжества развернулась кровопролитная гражданская³⁹ война за наследование великокняжеского трона, вызванная отсутствием четкого механизма наследования трона, попытками перераспределения власти между членами династии и проблемами в понимании завещания Дмитрия Ивановича (Донского), некоторые моменты которого можно было понимать двояко⁴⁰.

Смерть Василия I и последующая борьба за великокняжеский престол произошли во время возобновившейся политической неразберихи в Степи. После смерти Идигея в 1419 г. представители двух противоборствующих ветвей династии Джучи начали многолетнюю борьбу за наследство⁴¹. К началу 30-х годов XV в. одному из основных претендентов на власть в Степи, Улуг-Мухаммаду, удалось на время собрать воедино под свой контроль центральные земли империи, включая Крым. Именно в это время (конец 1431 г.) двое основных претендентов на московский великокняжеский трон прибыли в ставку Улуг-Мухаммада в надежде на поддержку своей кандидатуры верховным сюзереном⁴².

Хан и его окружение не смогли найти консенсус со своими ордынскими оппонентами в данном конфликте. Улуг-Мухаммад (фактически московский даруга Мин-Булат и поддерживавшие его беки) поддержал Василия, а Юрий склонил на свою сторону представителя клана Ширин карачабека Тегиню. Правда, фактически Тегиня не посмел выступить против хана, и, таким образом, Василий стал легитимным великим князем⁴³. Конфликт между Рюриковичами всего лишь затих, но не прекратился, как, видимо, и конфликт между ордынскими силовыми группировками.

³⁵ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 412; ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 161; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 186–190.

³⁶ ПСРЛ. Т. 11. С. 219.

³⁷ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 139; ПСРЛ. Т. 11. С. 219; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 486; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 188–189.

³⁸ Горский А. А. Москва и Орда. С. 135.

³⁹ Предпочитаю использовать этот термин, закрепившийся в так называемой «западной» историографии истории России, нежели термин «феодалная война», закрепившийся в советской, так как дискуссия о том, был ли на Руси феодализм и каковы его формы при положительном ответе на этот вопрос, до сих пор не закрыта.

⁴⁰ Я касаюсь здесь нюансов гражданской войны настолько, насколько того требует моя проблематика, некоторые новые подходы читатель может проследить в статье: Woodworth С. К. Sophia and the Golden Belt: What Caused Moscow's Civil Wars of 1425–50 // Russian Review. 2009. Vol. 68. № 2. P. 187–198.

⁴¹ Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. С. 39 и далее; Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 198–235.

⁴² ПСРЛ. М., 1965. Т. 12. С. 15; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 249. На тот момент Улуг-Мухаммад являлся легитимным верховным правителем западной части империи, полноправным сарайским ханом и соответственно сюзереном «русского улуса».

⁴³ По версии московских летописцев (ПСРЛ. Т. 12. С. 15; ПСРЛ. Т. 25. С. 249). По данным новгородской летописи, «выидоша князи рустии из Орды без великаго княжения»; правда, тут же под тем же «летом 6940» дано: «Выидоша князи рустии из Орды: князь Василий Васильевич, Юрьи Дмитриевич; цесарь Махмет даше княжение великое князю Василию Васильевичу на всей Руской земли» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 416). Псковский летописец отметил, что князья и их свиты выехали из ставки хана «добры и здравы, а княжения не взят ни один» (Псковские летописи / Пригот. А. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 39).

Раскол в лагере Улуг-Мухаммада ярко демонстрирует нам шаткость его личных позиций во властных реалиях Степи того времени. Примерно к 1435 г. его власть была серьезно оспариваема другим претендентом на единую власть, Кичи-Мухаммадом. Среди позиций, по которым данный Джучид соперничал с Улуг-Мухаммадом, одной из ключевых было московское наследство. Возможно, Кичи-Мухаммад решил поддержать сыновей Юрия Дмитриевича (умершего в 1434 г.) в конфликте с Василием.

В 1437 г. Кичи-Мухаммаду удалось выдворить Улуг-Мухаммада за пределы степной зоны Дешт-и-Кипчака. Представители клана Мангыт в определенный момент сочли, что Улуг-Мухаммад им более не нужен⁴⁴. Мангыты выбрали своим ханом Кичи-Мухаммада, сместив Улуг-Мухаммада⁴⁵. Таким образом, Улуг-Мухаммад стал жертвой их внутренних разбирательств. Это был не первый раз, когда ему приходилось искать убежища на периферии. В 20-х годах XV в. он скрывался в Крыму, а также у Витовта в Литве. Но к 1437 г. Крым контролировался его противниками из клана Ширин, а его давний союзник Витовт давно расплачивался за свои земные грехи в иных сферах. Осажденный хан и его сторонники решили двинуться на север, в верхнеокские земли, к крепости Белев, находящейся на пограничных территориях Москвы и Литвы (верховские княжества).

Вероятно, в намерение Улуг-Мухаммада входил сбор сил для дальнейшей борьбы за сарайский престол. При этом именно из рук Улуг-Мухаммада великий князь Московский Василий II получил ярлык на правление в Москве (в 1432 г.). Поэтому вероятным представляется, что изгнанный Чингисид вправе был рассчитывать на гостеприимство и союзничество Василия II. Однако Василий решил показать преданность новому сарайскому хану Кичи-Мухаммаду и попытался восстать против своего прежнего сюзерена. Василий отказал Улуг-Мухаммаду в поддержке и направил в Белев крупное войско во главе с сыновьями своего дяди Юрия Дмитриевича Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным. В поход были посланы также и московские полки⁴⁶. Русское войско, судя по данным летописцев, намного превосходило татарское (порядка 3000 воинов) по численности⁴⁷.

По словам «Казанского летописца», татары «болши надеяся на бога, и на правду свою и храбрость, и на злое умение свое ратное»⁴⁸. С одной стороны на отряды Улуг-Мухаммада наступала громада русского воинства, с другой была холодная продуваемая ветрами голодная степь, принадлежащая ханам Кичи-Мухаммаду и Сейид-Ахмаду. Русские летописи так описывают эти события: Улуг-Мухаммад «седе во граде Белеве, бежав от иного царя... Пришедшим же им к Белеву, и Царь убоявся, видево многое множество полков рускиих, начят даватися во всю волю князем рускиим. Они же не послушаша царевых речей»⁴⁹.

Утром 3 декабря многочисленные русские полки подошли к городу. Первое столкновение закончилось успехом русских: «...побиша татар много, зятя царева убиша, и князей много и татар, и в город вгониша их». Воеводам Петру Кузьминскому и Семену Вольнцу удалось даже ворваться в город и пробиться до центра, однако дальше произошло что-то непонятное. Их

⁴⁴ И. Барбаро пишет, что в данной ситуации был задействован представитель этого клана Науруз, сын Идигея (Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 140–141). О нем см.: *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды.

⁴⁵ С 1437 г. (год смещения Улуг-Мухаммада) и до 1480 г. в Улуг Улусе правили Кичи-Мухаммад и его сын Ахмад. В этот период они могли выставить примерно 200000 человек конницы — практически вся армия Золотой Орды периода ее расцвета.

⁴⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич; Под ред. и с предисл. В. И. Буганова. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 17.

⁴⁷ Реальное количество воинов, участвовавших в сражении, неизвестно. Необходимо принимать во внимание, что летописцы количество сражавшихся зачастую сильно преувеличивали. Подробнее о Белевской битве см.: *Бахтин А. Г.* Образование Казанского и Касимовского ханств. С. 104–109.

⁴⁸ Казанская история. М.; Л., 1954. С. 52. В другой редакции текста этот отрывок выглядит несколько иначе: татары «...болши надеяся на Бога и на правду свою, неже (выделено мной. — Б. Р.) на храбрость и на зло умение свое ратное» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 19. С. 218).

⁴⁹ Иоасафовская летопись / Под ред. А. А. Зимина. М., 1957. С. 28.

атака не была поддержана. Увлеченные преследованием противника, князья и их воины были окружены и перебиты. Из-за несогласованности действий победа была упущена.

На утро 5 декабря Улуг-Мухаммад послал на переговоры другого уцелевшего своего зятя Ельбердея (Елибердея) и даруг-князей Усеина Сараева и Усень-Хозю. Затеянные переговоры имели целью оттянуть время и усыпить бдительность русских. К татарам для переговоров приехали Василий Иванович Собакин и Андрей Федорович Гостяев. Татары предложили дать великому князю в заложники старшего ханского сына Махмуда (Мамотяка) и детей от всех татарских князей в обмен на мир. Хан обещал не нападать на русские земли и не посылать по выход: «И рекоша татары къ ним: “Царево слово къ вамъ: даю вам сына своего Мамутека, а князи своих дають в закладѣ на томъ: даст ми Богъ буду на царствѣ, и доколѣ буду живъ, дотолѣ ми земли Русскіе стеречи, а по выходы ми не посылати, ни по иное ни по что”»⁵⁰.

Ермолинская летопись добавляет, что татары предлагали отдать русским также всю добычу и пленных, захваченных за пределами вотчины великого князя⁵¹. Русские переговорщики на это предложение не согласились. После этого из города выдвинулись татарские отряды и начался бой.

Русское войско в панике бежало с поля сражения. Преследуемое татарами, оно понесло громадные потери. Татары «побиша руси много». Летописцы отмечают, что каждый татарин убил в том бою по 10 и более русских воинов. Потери татар были минимальны. Архангелогородский летописец писал: «И убиша руси добре много, а тотарове все целы»⁵².

Значительно уступая по численности, татарское войско существенно превосходило русское качественно. Во-первых, оно находилось под единым командованием Улуг-Мухаммада. Вполне возможно, что боем непосредственно руководил имевший несомненный полководческий талант старший сын хана Махмуд. Во-вторых, татары были хорошо организованы и дисциплинированы. Об этом свидетельствует как сам характер боевых столкновений, так и сообщения о том, что, находясь в Белеве, татары не нападали на русские поселения. Желая договориться с Москвой, Улуг-Мухаммад запретил грабить русские земли. В-третьих, татары обладали высоким воинским мастерством и отчаянной храбростью. Оставшись в безвыходном положении, татарские воины вынуждены были сражаться не просто за свою жизнь, но и за свои семьи, находящиеся в ледяном городе. Отчаянность положения придавала им силы.

Русские современники долго помнили «Белевщину» и воспринимали эту катастрофу как наказание Божье: «И превозношеніа ради нашего и за множество съгрѣшеніи нашихъ попусти Господь невѣрным одолѣти много вѣинство православныхъ христианъ, яко неправеднѣ бо ходящим нашим и свое христианство преже губящим, и худое малое оное безбожныхъ вѣинство бесчисленное христианъ воинство съодолѣ и изби...»⁵³.

Конечно, мы не должны читать эти повествовательные пассажи как документальные источники. Полагаясь исключительно на них (а в данном случае у нас другого выбора нет), мы не можем быть уверены в таких фактах, как, например, кто атаковал первым или на каких именно условиях собирался капитулировать Улуг-Мухаммад. Однако, полагаю, мы все же можем извлечь из этого источника тот факт, что хан пришел в Белев в поисках убежища и потерпел фиаско в попытке заключить сделку по данному вопросу с московскими властями.

Э. Кинан в своем анализе данных событий обратил внимание на то, что князья, возглавлявшие московские войска, были не кем иным, как сыновьями Юрия Дмитриевича (которого как раз не поддержал Улуг-Мухаммад при выдаче ярлыка в 1432 г.), главными врагами Василия II. Поэтому, предполагает Кинан, очень вероятно то, что Дмитриевичи двинулись к Белеву как раз

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 12. С. 24.

⁵¹ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 149.

⁵² ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 87.

⁵³ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 107; ПСРЛ. Т. 12. С. 25.

с целью отсечь военную помощь со стороны Улуг-Мухаммада Василию (концепция изначальной, «полюбовной» «дружбы» между Василием и ханом⁵⁴), соответственно без санкции Василия II, а, напротив, выступили против него самого. Был ли поход их собственной инициативой либо все же приказом Василия, мы сейчас прояснить не сможем, доверять летописям (особенно позднейшим) в этом вопросе не стоит. Я думаю, он все же был санкционирован Василием. Иначе нелогичным выглядит дальнейшее выступление русских войск против сыновей Улуг-Мухаммада в июле 1445 г., когда войска возглавлял уже сам Василий II. При этом сыновья хана действовали от его имени и по его приказу. Вряд ли и Улуг-Мухаммад намеревался оказывать в данной ситуации кому-то помощь, его собственное положение было крайне шатким. Скорее он просто намеревался переждать в Белеве время для дальнейшей борьбы за Сарай. Но, видимо, он все же рассчитывал на память Василия относительно того, кому последний был обязан ярлыком. По ряду причин (о которых мы можем только догадываться) Василий решил не поддерживать своего прежнего сюзерена, о чем, видимо, вскоре пожалел.

Крейг Кеннеди в своей диссертации предполагает, что уже в течение последующих нескольких лет после Белевской битвы между Василием II и Улуг-Мухаммадом мог возникнуть новый вид соглашения, в соответствии с которым джучидское окружение последнего обосновалось в Московии для длительного пребывания⁵⁵. Действительно, источники не содержат точной информации о передвижениях Улуг-Мухаммада в последующие годы, так же как и о его местопребывании, хотя есть предположение, что он находился в районе южной периферии Московии⁵⁶. Однако есть свидетельство, говорящее о том, что эти соглашения между Улуг-Мухаммадом и Василием работали к концу 1444 г. (соответственно могли быть заключены после поражения в 1437 г.). Это летописное известие о наступлении, предпринятом Василием против нескольких литовских городов зимой 1444/1445 г.: «Тоя же зимы князь великий Василей Васильевич послал дву царевичев на Литовскіа грады ратию, на Вязму, на Брянскъ и на иныа грады, безвѣстно»⁵⁷.

Кто именно имелся в виду под этими султанами, точно сказать нельзя. Имен летопись не указывает, и вообще это первое после 1408 г. упоминание о каких-либо царевичах, бывших при великом князе, в летописях. Под 1445 г. имеется упоминание об одном султани, бывшем на стороне русских сил, о Бердедате б. Худайдате⁵⁸. Его отец претендовал на ордынский престол в 20-е годы XV в.⁵⁹ Далее царевичи вновь упоминаются летописцами в следующую зиму. В феврале 1446 г. Василий был пленен своими политическими противниками. Это вынудило его сторонников бежать на запад, по направлению к литовской границе. Теперь летописцы говорят уже не о двух, а о трех царевичах, причем они названы поименно: «А Феодоръ Васильевичъ Басенокъ убѣже и с приставомъ изъ желѣзь, и пристали к нему многи люди отъ двора великого князя, и поиде к Литвѣ. А князь Василей Ярославичъ, шуринъ великого князя, слышавъ то, еже учинися зло надъ великимъ княземъ, и поиде в Литву же, и со княгинею и з дѣтми, и со всѣми людьми; а царевичи три, Кайсымъ да Ягупъ Махметовичи да Бердодатъ Кудудатовичъ, служыли великому князю, и тѣ ступили на Литовскіѣ же порубежья»⁶⁰.

Из этого можно заключить, что второй султан, посланный против Литвы зимой 1444/1445 г., возможно, был одним из этих двух сыновей Улуг-Мухаммада (а возможно, что они оба были сыновьями хана, а Бердедат здесь не имелся в виду; или, напротив, ни один из упомянутых

⁵⁴ Keenan E. Muscovy and Kazan, 1445–1552: a study in steppe politics. L. 129–133.

⁵⁵ Kennedy C. The Juchids of Muscovy. L. 33–35.

⁵⁶ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 13 и далее.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 12. С. 63.

⁵⁸ Иоасафовская летопись. С. 32.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 92; Горский А. А. Москва и Орда. С. 148.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 23. С. 152–153.

под 1444 г. царевичей не относился к орде Улуг-Мухаммада). Исходя из того, что Бердедат, являвшийся племянником Улуг-Мухаммада, вместе с одним из сыновей хана к зиме 1444/1445 г. принимал участие в военных кампаниях под предводительством Василия, можно говорить о том, что великий князь и хан, возможно, достигли какого-то соглашения уже после Белевской битвы 1437 г., полагает Кеннеди.

В целом я не согласен с американским коллегой. Его версия имеет право на существование, однако есть и серьезные возражения против. Наиболее важные следующие. При условии существования такого соглашения труднообъяснимы, по крайней мере, два комплекса событий. Первый — факты военных столкновений: поход Улуг-Мухаммада 1439 г. на Москву, военные действия у Нижнего Новгорода и Муром в 1444 г., выступление против сыновей хана в июле 1445 г. во главе с самим Василием II. Если Улуг-Мухаммад и Василий II составили какое-то соглашение уже после Белевской битвы и согласно этому соглашению Касим уже после 1437 г. находился на подвластных Москве территориях, то к чему тогда новая стычка 7 июля 1445 г., Суздальская битва? Второй — наличие султана Мустафы, упоминаемого летописями под 1443 г. Я полагаю, что московский князь не был «впечатлен» поражением и надеялся отделаться от хана в ближайшем будущем.

(Продолжение в следующем номере журнала)